

Владислав Лецик

РЕВИЗОР ВОСТОЧНОГО
ПОЛУШАРИЯ

Владислав Лецик

Ревизор

*Восточного
полушария*

**Благовещенск
2015**

ББК 84(2Рос–4Аму)6–44
Л536

Лецик В. Г.

Ревизор Восточного полушария. Повести. Рассказы. Стихи. Разное. — Благовещенск, ООО «Издательская компания «РИО», 2015. — 416 с.

Это вторая книга Владислава Лецика. Первая — «Пара лапчатых унтов» — была выпущена в 1984 году Амурским отделением Хабаровского книжного издательства. Повести и рассказы автора печатались также в журналах «Литературная учёба» и «Дальний Восток», в альманахе «Приамурье моё», стихи — в альманахе «Амур» Благовещенского педуниверситета.

Художник —
Леонид Шатон

Фото на 4-й странице обложки сделано
Ириной Селивёрстовой

Как назовём, так и поплывём

Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя — Яичница... Да что делать? я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на «собачий сын».

Н. В. Гоголь. «Женитьба»

Вообще-то я хотел дать этой книжке другое заглавие — «Всего помаленьку». Объяснений оно особых не требует. В самом деле: тут и рассказы есть, и стихи, и две повести, и даже два перевода с иностранного, и ещё кое-что по мелочи. Писал я всю жизнь, на самых разных этапах своего пребывания на этой нескучной земле, но редко и понемногу, потому и итог такой. Разнообразно, но не густо.

Однако мне сказали: да ну, что это за заглавие? Оно какое-то никакое. Звучности нет.

Тогда я эту заготовку понизил в ранге и назначил заголовком заключительного раздела данной книги.

А «Ревизор Восточного полушария» — это один из первоначальных вариантов названия повести, которая потом, в ходе написания, получила имя «Дед Бянкин — частный сыщик».

В «ревизоре» звучности хоть отбавляй. Да ещё и невольно мерещится тень всё того же Гоголя, который мощью своего гения монополизировал, можно сказать, право на это слово. В данном случае Гоголь, конечно, ни при чём. Но возникает вопрос: а ревизор при чём? Тут я хочу вспомнить коротенький эпизод из конца семидесятых годов прошлого века.

У нас в Благовещенске был один врач, очень известный и уважаемый специалист. Он своему коллеге как-то признал-

ся, что хочет добиться для себя небывалой доселе по высоте и размаху полномочий должности — «Главный кардиохирург Дальнего Востока». «Прямо-таки ревизор Восточного полушария!» — ухмыльнулся коллега, прочитавший только что вышедшего в свет моего «Деда Бянкина», где упомянут сей завиральный титул.

Сразу оговорюсь: тот врач был прекрасным специалистом, спасшим жизни многих людей. Хотя столь грандиозной должности для него никто не создал, но он многого добился в своей профессии.

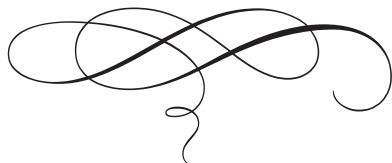
А вот что касается автора этих строк, да и множества других авторов других строк, то все мы когда-то, впервые взявшись за сочинительство, видели себя где-то там, в заоблачной выси, рядом с Пушкиными и Достоевскими, никак не меньше. Потом оказывалось, что мы несколько обольщались по части своих возможностей.

Ну и ладно. Пусть заглавие сборника звучит как авторская самоирония, как извиняющаяся усмешка старости над размашистыми надеждами юности.

В эту книгу, вопреки соображениям оформительского единства, я включил иллюстрации моего покойного друга Леонида Трофимовича Шатона.

Пара лапчатых унтов

Новести, рассказы

От автора

В маленьком посёлке Балыктаск стряслось несколько маленьких, но достаточно несуразных происшествий. Они и вошли в эту книжку.

Попадая в несуразную ситуацию, мы говорим: «И смех и грех!» — хотя нам частенько не до смеха. Иной раз хоть плачь — не разберёшь, кто тут виноват и где выход. Хочется просто взять да и махнуть рукой. Но жизнь — не ходьба по одной половице: махая рукой, не удержишь душевного равновесия. И мы всё-таки продолжаем рыться в беспорядочном стечении обстоятельств, надеясь отыскать их ускользающий смысл.

Так и я, рассказывая свои истории, искал в них смысл. Возможно, при этом я попадал впросак, подобно деду Бянкину, — но, честное слово, мы оба хотели как лучше.

Дед Бянкин — частный сыщик

ШЕСТЬ ПУДОВ БУМАГИ

— Не представляю, — сказал редактор. — Столько дней проторчать в одном Балыктаке!

Балыктак — самый дальний участок прииска. Там всего одна драга, полтора десятка домов. Мне дали командировку на день, а я проездил неделю.

— А что ты родил за целую неделю?

Я родил один-единственный репортажик, и тот водянистый, как огурец-скороспелка. Но как я мог объяснить им всем, почему задержался? Заявить, что собирал подробности одной запутанной истории? Ну-ну, скажут. Он хочет быть Конан Дойлом, а мы тут корпи за него целыми днями...

Теперь-то, когда всё уже утряслось, можно рассказать, как было дело.

В Балыктак я ехал в фургоне почтовой машины. Четыре часа подпрыгивал вместе с пыльными мешками и фанерными ящичками.

Всё же доехали. Шофёр снаружи брякнул замком, открыл дверцу, и я выбрался на свет божий. Так. Брюки в пыли, рубашка сзади вылезла... Две бабки стояли с сумками на крыльце почтового отделения. Увидев меня, они прямо-таки помолодели от любопытства. Надо же, и шнурки вдобавок развязались...

Подошёл маленький дед в кожаной шляпе, похожей на облезлую и сплюснутую волейбольную крышку.

— Здравствуйте, — сказал я ему культурным голосом. Деды ценят культурное обращение — деды в шляпах, поселковые философы.

Но этот, видимо, чихать хотел на мои манеры. Он задрал голову, потому что обвисшие поля шляпы почти закрывали ему глаза, и не очень любезно спросил:

— А если какой документ пропадёт или ящик? Тогда как?

— Что? — не понял я.

— А то! Попутных лиц на почтовках воспрещено. Вы об этом известны?

— Вон что! А как к вам иначе доберёшься? Других попутков не было. Я из газеты. В общем, корреспондент.

— Покажь удостоверение!

Я протянул ему своё командировочное. Он вынул очки и обнюхал каждую букву.

— А вы на почте работаете?

Он в ответ только хмыкнул. Повертел мою бумажку и спросил:

— И кого же будете описывать?

— Посмотрим, — буркнул я. — Где тут живёт драгёр Пасюра?

— Ага! — вскинулся дед. — Ты про Пасюру писать приехал?

Я мысленно плюнул и круто повернулся: спрошу у кого другого.

— Э! Погодите! — засуетился за спиной дед. — Товарищ писатель!

Уши у меня стали горячими. Я зашипел:

— Какой я вам писатель?

— Ну, этот... корректор, или как там. — Дед ухватился за ремень моего фотоаппарата и явил вдруг отменную разговорчивость:

— Я Пасюру знаю! А как же! Замечательный драгёр. Кругом передовик — за что ни возьми, ей-богу! Он и столяр хороший. Он мне стеллажи сделал. Я ему говорю: сделай стеллажи, а то мне рукописи складывать некуда.

— Что складывать?

— Рукописи. Я тоже пишу. А вы как думали?

Я полез за сигаретами. Если в этом Балыктаке все деды такие...

— И что же вы пишете?

Дед глянул вдаль и скромно произнёс:

— Детективную автобиографию.

— Какую?

— Какую прожил, такую и описываю. Детективную.

— Вы что, преступников ловили?

— А ты думал! Милиция без меня запурхалась бы... Было дело.

— И много написали?

— Работаем, — обтекаемо выразился он.

В конце концов, решил я, материал для газеты собрать ещё успею. Я представил себе стеллажи, заваленные рукописями. Детективными!

Через две минуты мы уже входили в дедов дом. В самом деле, всю стену в боковой комнатушке — от пола до потолка — занимали деревянные полки. Но...

— Они же пустые!

— Уже не совсем, — возразил старик. Залез на табуретку, пошарил на верхней полке и протянул мне толстую тетрадь:

— Вот. Предисловие.

На первой странице был крупно нацарапан заголовок: «ТАЙНА СТАРОГО САПОГА». А ниже — помельче: «Детективная автобиография тов. Бянкина А. Ф.».

— Бянкин А Фэ — это я и есть, Антон Федотович. А вот, пожалуйста, моя супруга.

В комнату вошла старушка в белом, в горошек, платочке.

— Из газеты! — крикнул ей в ухо дед. — На подмогу приехал!

Старушка затараторила:

— Бачите, сколько полков нагородыв? А якого биса? Каже, напышу на бамаге, як того злодия шукав — а хиба ж вин пыше? Карандаши смокче! Чотыри карандаша купыв и вси обосав, а на полках пусто, хоч у хутбола гуляй...

Махнула рукой и вышла. Я стал читать:

«Сурова и богата наша северная природа. Есть пушнина соболь, листвяк хороший толстый, также план выполняем по золоту, однако имели место поломки, потому что Федька начальник молодой был вредный. Золотодобытчики честно трудились: как газета придёт, так ихние фамилии там обязательно будут — это уж к бабке не ходи.

Но вот нашёлся негодяй и прикарманил народное добро золото. Бдительный житель Бянкин А. Ф. это золото нашёл, но вор перехватил инициативу, и флакушка снова исчезла из-под витаминов. Ввиду разбушевавшейся стихии милиции стало трудно с этим делом разобраться...»

Дальше шли чистые страницы.

— Это только начало... — Дед со вздохом глянул на свои стеллажи. — Если всё описать — пудов шесть бумаги навалишь...

В общем, застрял я в Балыктаке. На целую неделю.

Зато знаю теперь все подробности событий, которые происходили там год назад и о которых пойдёт речь дальше.

Если кто из читателей предпочитает узнать про тайну старого сапога со слов непосредственного участника этой истории — те могут подождать, пока дед Бянкин положит шесть пудов рукописей на свои полки. Я не уверяю, что он сделает это завтра... Но любители мемуаров — народ терпеливый. Они подождут.

Все прочие — за мной!

ПЕРВАЯ ТАЙНА САПОГА

Бабы ходили собирать моховку на Савоськин ключ, а в кустах как затрещит, по камням как зашваркает...

На другой день Федька Козлов, начальник драги, доехал до ключа на «ИЖ-Планете», облазил там всё. Говорит, нашёл развороченный муравейник.

Муравейники кто разрывает? Вас учить не надо?

Федька, правда, не понял — то ли вчера разворочено, то ли давно. Мол, ночью дождь следы прибил. Будто он в следах что смыслит. Шестерню главного привода сломать — это он понимает, зелень пузатая. Песни орать понимает, людей пожилых обзывать...

На всякий случай дед Бянкин зашёл с утра к своему соседу Пасюре.

— За моховкой иду. На Савоськин ключ. Парочку жиганов надо, а то бог его знает...

Сосед дал ему две круглые пули. Дед тюкнул их друг о дружку.

— А поубийственной нету? Турбинку бы!

Пасюра заухмылялся. Дед стал ему доказывать, что турбинкой как вдаришь — все кишки на неё наматает, так люди говорят. Но Пасюра сказал: ничего, на круглую тоже наматает, лишь бы у медведя кишок хватило. Дед Бянкин эти шуточки оставил при Пасюре. А жаканы взял.

Тропа, ведущая к Савоськину ключу, проходит по старым галечным отвалам. Их насыпала не теперешняя электрическая драга, а ещё старая, паровая. Для неё уйму леса перевели на дрова, все сопки кругом лысые. И дед Бянкин тоже вот облысел, а старые отвалы, эти сыпучие кучи камней, наоборот, позарастали — видишь, как оно выходит. Березнячок вырос тут, листвяк молодой. А в яминах среди отвалов, в маленьких озерах, завелись гольяны.

Кто-то сидит вон в ямине, ловит гольянов. Ага — это же Иван Максимов, бывший машинист драги, второй год пенсионер.

— Привет пациенту! — крикнул Бянкин. Спустился с тропы и сел рядом. — Вчера приехал?

— Ну, — сказал Иван Гаврилович. Лицо у него было серое, больничное. Спросил деда вяло: — А ты далеко?

— На Савоськин, за моховкой. — И дед хлопнул по стволу ружья: — На всякий случай взял. Слышал, бабы-то прибежали?

— Старуха говорила. Я тоже своё прихватил. — Иван Гаврилович кивнул на двустволку, лежавшую на рюкзаке. — А то тут рядом, думаю. Мало ли чего.

Да, тут было близко. Тут отвалы кончались и тропа выходила к ключу. «Провалился бы он, этот ключ, вместе с ягодой», — уныло подумал Бянкин. Но раз отчаялся идти, да пули взял, да всем доложил, — надо идти, набрать с полведра.

— Долго ты вылёживал, Ваня, — вздохнул он. — Подлечили?

— Ага... Мозги пудрят... Как ломало, так и ломает.

— Сдались тебе гольяны! — Дед плюнул. — Хоть бы путёвая рыба, а то так — радикулит один. Зад выстужаешь на этих камнях.

В крохотном озерке, на мелком месте, видна была снасть — корытце из частой проволочной сетки, а в корытце, привязанная, размокала корка хлеба. Из игрушечных водорослей, из игрушечных таинственных глубин выстреливали рыбки. Танцевали над коркой, осторожничали, удирали. Но — ах! — жизнь игра, и смерть игра. Вот их, осторожных, вокруг корки уже с полсотни. Черно от спинок. Иван Гаврилович, кряхтя, нагнулся и — раз! — поднял на длинной палке снасть из воды. Серебряные рыбки плясали на сетке, как мелкие копейки рыбацкой удачи.

— Не-ет, — дед махнул рукой. — Это не рыбалка.

— По мне — так рыбалка, — буркнул Максимов, кидая гольянов в котелок.

— Слышь, а ты бы их удочкой! Всё забавнее.

— Такую мелкоту — удочкой? Хлеб с крючка раздербанят — и вся забава.

— А ты на червя! — посоветовал дед. — Тонкого червяка насади — не раздербанят.

Дед любил советовать. Кто не любит?

— Ищи тут червей, в нашей мерзлоте. — Иван Гаврилович, похоже, начал злиться.

— А скажешь — не найду? Спорим на две «яблочных»?

— Иди-ка ты! — раздражённо отрезал Иван Гаврилович. — С червями со своими...

— Рыбак из тебя, я посмотрю, дак... — презрительно сказал Бянкин. Забрал ружьё, ведро и полез наверх, на тропу.

Потоптался наверху. Поплестись дальше? Но спор так и кипел в нём. Этот Максимов — чурка с глазами. Ему словами не докажешь, всю жизнь такой. Его надо носом ткнуть — тогда только.

Бянкин знал: спуститься сейчас вон к тем тальникам — и там, под слоем гнилых ивовых листьев, обязательно найдёшь дождевых червей. «Докажу», — решил дед и огляделся — нет ли какой банки, червей складывать.

Банок не было, а валялся под кустом старый кирзовый сапог. Тоже посуда! Червей можно и в сапог. А что? С землёй.

Запустив руку в сапог — так, для порядка — он что-то внутри нащупал. Вытащил — это оказался аптечный пузырёк, этикетка жёлтенькая, чистенькая. «Из-под витаминов флакушка», — догадался дед. В пузырьке, однако, не витамины: тяжёлый, как гирька. Дробь не дробь... Открутил пластмассовую крышку, тряхнул бутылочку — на ладонь упали кусочки — жёлтые, тусклые, жёваные какие-то.

— Ё-моё! — сказал Бянкин и осторожно сел наземь. С трудом попадая в горлышко — руки затряслись, — покидал кусочки обратно в бутылочку. Подышал поглубже, чтобы успокоиться, и крикнул:

— Максимов! Ва-аня-а!

Максимов, шурша галькой, вылез наверх. Увидел, что дед весь трясётся, — сам побледнел.

— Что такое?

— Ы! — сказал Бянкин и протянул пузырёк.

Максимов взял — руки у него тоже вдруг заходили ходуном — сыпнул на ладонь. Долго разглядывал.

— Золото... — сказал севшим голосом.

— В сапоге этом... б-было... — заикаясь выговорил дед. — Я... я туда червей хотел... Вместо б-банки...

Какое-то время сидели молча, рассматривая находку.

— Сколько потянет? — спросил наконец Бянкин.

Иван Гаврилович взвесил склянку на ладони.

— Полкило верных.

— Ай-я-яй! — восхитился дед. Он уже немного успокоился. — А глянуть — кот наплакал. Серьёзный металл!

Максимов не разделил дедова восторга. Он хмуро о чём-то размышлял, потом сказал:

— Наверняка с нашей драги утащили. Кот наплакал! А если уже с пуд наворовали?

Бянкин попытался вообразить себе пуд золота — не смог. Опять ужаснулся:

— Кто же это, а, Ваня? Кто-то из дражников?

Максимов пожал плечами.

— Доложить нужно... Только вот кому?

— Как кому? Федыке и скажем. Начальник же — пусть попрыгает.

— Федыке? — Иван Гаврилович с сомнением поглядел на склянку. — Тут вот в чём заминка, Федотыч... Начальник — он же на каждой съёмке золота торчит безотлучно. Мимо него никто крупинку не пронесёт. Так-то.

— Дак что, думаешь, тут... сам Федыка?..

— Ну, не знаю! — Максимов нахмурился, осторожно положил пузырёк на камни. — Я ж на драге теперь не работаю. Не знаю, какие там у них новые порядки.

Дед Бянкин снял шляпу, вытер рукавом потную лысину.

— Мне подозрительно! — почему-то шёпотом сказал он.

— Так и мне тоже.

— Нет, ты слушай! — Дед схватил пузырёк. — Федыка вчера на «ижаке»-то сюда ездил, так? Следы, говорит, медвежьи, муравейник... А сам, выходит, золотишко прятал. Форменный некто!

— Кто форменный?

— Некто! Ну, пишут так: если преступника по имени не знают, — называют «некто». А Федыку и по морде видно, что некто. Та ещё рыбаина!

Иван Гаврилович заколебался:

— Ну... Так уж сразу и некто! Парень-то вроде ничего...

— Ну конечно! — сказал дед жёлчно. — Прямо не Федя, а божий одуванчик. А ты забыл, какой он жадюга? Он сбер-книжку из зубов не выпускает. Его это фокусы, точно!

Стали соображать, как быть. К Фёдору Козлову лучше, на всякий случай, не ходить. Надо самим звонить в район, в милицию. Но отсюда, из Балыктака, пока дозвонишься в Оскор — это же полдня пройдёт, и охрипнешь, пока до-орёшься. Такая система. А в конторе, где коммутатор, — народ толкается, кому делать нечего. Слух пойдёт — расхитителя этого спугнёшь, а он спрячет концы в воду. Если ночью позвонить... Кто сегодня на коммутаторе в ночь? Клава? Или Давыдовна? Вообще-то всё равно, не утерпят, сороки, что молодая, что старая, — шепнут кому-нибудь, а расхититель меры примет.

— Стоп! — Бянкин поднял палец. — Читал я книжен-цию... Ты не хмыкай! Есть такая штука — условный тайник.

— Как?

— А так! Может, их тут не один. Вот я читал: один пришёл — спрятал. Другой пришёл — забрал. А комиссар это дело раскусил...

— Какой комиссар?

— Ну, милиционер ихний, французский. Ага... Который прятал — комиссар того не тронул. А который забирать пришёл, он тому — «хенде хох!» — и прищемил хвост.

— Засаду предлагаешь? — Максимов нервно хохотнул.

— А что, Гаврилыч?.. Мужиков соберём!..

Дед заёрзал на месте. В голове замелькало всякое такое... Это вам не моховку собирать! Эх, Антон Федотович, выпал тебе на склоне дней случай — такую честь заработать можно! И в газету напишут. Мол, засадой командовал А. Ф. Бянкин!.. Большие чины, наверно, в Балыктак приедут. Может, даже полковник какой. Руку пожмёт: операцию вы, товарищ Бянкин, провели исключительно, спасибо за крупный талант! И глядишь — какой-нибудь именной портсигар сообразят за это дело. Да...

— Мужиков? — переспросил Иван Гаврилович. — А кого? Ты точно можешь сказать — этот не замешан, тот не замешан, а?

Тоже верно... Но ведь этот старый сапог — условный тайник, тут и раздумывать нечего. А то зачем бы в такую даль, на эти отвалы, притащили золотишко? Сунули бы в подпол. Нет, кто-то сюда точно придёт. Как тут быть, товарищ полковник?..

— А давай сами засядем. Вдвоём!

— Са-ами? — Максимов покачал головой и умолк.

Уже вечер подкрался, беспокойный, назойливый: заныли комары, солнце, разбухая, уходило за сопку, птицы в тальниках вдруг защebetали и торопливо завозились, как пассажиры, штурмующие отходящий поезд.

— Так что, засядем? — повторил дед.

— А справимся?

— Мы-то? Два жигана у меня! — Дед даже затрясся, ужасаясь собственной решительности. — На мушку его, паразита. Мы ли в молодости на солонцах не сидели?

Иван Гаврилович что-то не помнил, чтобы Бянкин сиживал хоть раз на солонцах или вообще ходил на зверя крупнее рябчика. Но — махнул рукой, сказал в тон деду:

— В самом деле!

Склянку с золотом сунули в сапог, сапог — под куст, туда, где нашли. Выбрали для засады место — на склоне отвала, но не низко: чтобы видеть, кто пойдёт по гребню, по тропе. Наломали на подстилку веток, стали укладываться. Эх, детективная биография! Не в те годы ты начинаешься: преступника удастся ещё схватить или нет, — а радикулит их самих точно схватит.

Небо было в тучах, и темнота легла плотно. Было не холодно, но много ли надо стариковским косточкам?

— Не околеть бы без костра, — прошептал Бянкин.

Максимов вдруг тихо выругался:

— С твоим золотом... У меня же бутылка в рюкзаке!

— Ну? — обрадовался дед. Его била дрожь: не столько даже от холода, сколько от прилипчивых размышлений на уголовно-похоронные темы.

Выпили, но особенного облегчения Бянкин не ощутил и через полчаса зашептал:

— Ваня, давай ещё по махонькой. Для хладнокровия.

Допили бутылку. Дрожь чуток унялась, да и слух стал ловить и узнавать ночные звуки. Даже когда сзади что-то вдруг шлёпнулось на озерко, дед хоть и вздрогнул, но тут же сообразил: «Утка. Селезень какой-то шастает везучий — не подстрелили за лето».

Дед лежал, слушал, а мысли вертелись вокруг Федьки Козлова — Фёдора Станиславовича, начальника драги.

ЕЩЁ ОДИН НЕКТО

Федька Козлов приехал в Балыктак четыре года назад, после техникума. Дед Бянкин помнит вечер самодеятельности в поселковом клубе. Вышел на сцену этот новенький. Длинный, чёрный, с гитарой. Ударил в струны, сказал:

— 3-зазнобила!

У балыктакцев мороз по коже. Дышать перестали. Федька ещё ударил — и пошёл:

Ох, зазнобила
Да ты ль мою гал-ловушку...
А зазнобила,
Ой, зазнобила
Мою ли р-раскудря-аву-ю!..

Волос у Федьки прямой, а не кудрявый. Но так высверкивали по залу его глаза, такой хищной была улыбка на узком лице, такая таборная, пропащая тоска слышалась в голосе, что и впрямь всем почудилась раскудрявая цыганская головушка.

Федьку поставили на драгу кормовым машинистом, но скоро эта должность показалась ему скучной. Каждую остановку он лазил со старшим машинистом по всем закоулкам драги — с ключами, чумазый. Всюду нос совал. Или, оставшись на работе с другой сменой, донимал драгёра, пока тот не уступал ему место у пульта. К осени уже говорили о нём: «Шустрый!» — и скоро поставили старшим машинистом.

Чернь по серебру

Стихи разных лет

«Не говори красиво, друг Аркадий!»

(Слова Базарова из романа Тургенева).

Желание красиво говорить
В нас неизбежно, как желанье жить
Красиво же. Не тратьте тут ударов —
Хоть, в общем-то, вы правы, мсье Базаров.

Красиво говорящий — втайне глуп:
Язык им вертит. И когда не черти,
А ангелы вращают тот язык —
Болтун в веках становится велик,
Упившись звуками заздравных труб,
Восторгами косноязычной черни.

Красиво жизнь ведущий — втайне труп:
Он сгнил, и в нём лишь копошатся черви
Актёрства, лжи, припрятанных улик.
Все почести цветут на сгнившей чести.
Раскрашенного гроба блеск и шик
Всегда будили зависть в бедной черни.

А чернь — мы все: я, ты, он, Цезарь, Брут...
Но слёз не лей в чаду хмельных угаров:
Жизнь — ювелир, и чернь по серебру
Она кладёт. Прекрасен белый свет —
И тут, как говорится, спору нет,
Базару нет — не правда ли, Базаров?

Куда ж нам плыть?..

А. С. Пушкин

Никем тебя не заменить.
Я и помыслить не могу,
Что вдруг тебе — куда-то плыть,
А мне — стоять на берегу.

Уж лучше пусть наоборот —
Я уплыву в страну теней...
Нет — ерунда! Я кинусь вброд,
Успею, ухвачусь за борт —
И там, со мной наедине,
На палубе, ты всхлипнешь мне,
Смеясь: «Ой, мокрый ты, как чёрт!»

И вот плывём мы наугад.
Куда — в рассвет или в закат?
Я на встревоженность твою
Лишь улыбаюсь: «Се ля ви!» —
И ризу влажную мою
Сушу в лучах твоей любви.

СПЯЩИЙ ЦАРЕВИЧ

Я в долгу перед бродвейской лампией,
Перед вами, багдадские небеса,
Перед пальмами юга, перед вишнями Японии,
Перед всем, о чём не успел написать.

В. В. Маяковский

С песней он скакал горами и долинами,
И царевен — тех будил, а тех — увы,
И устами припадал неутолимыми
К родникам, сверкавшим в зелени травы.

А потом — звать, укатали горки сокола
Или просто предвечерний час настал,
Только въехал раз на гору он — и около
Входа в тёмную пещеру задремал.

Нет, он камешки ворочал многотонные,
Он вершил все молодецкие дела,
Он сражения выигрывал бессонные
С вражьей силой — но душа его спала.

Шли века. И вот свершилось чудо чудное —
Звон хрустальный в той пещере заиграл!
И выходит — вся алмазно-изумрудная,
Тёмный пламень глаз и милых уст коралл.

И развеялись как дым виденья сонные.
Робким, нежным поцелуем обожгла —
И на мир открылись очи изумлённые,
И в ожившем сердце песня ожила.

«Как я долго спал!.. Теперь, родная, спел бы я —
Но сначала... к родникам припасть хочу!»

И румянцем залилась моя несмелая,
И ведёт меня — к Кастальскому ключу...

Я в долгу перед житейской лампионией,
Перед всей моей немыслимой судьбой.
Песня рвётся ввысь — и не страшны препоны ей,
Ведь теперь, моя царица, я — с тобой!

Идут белые снеги...

Евг. Евтушенко

Идут белые письма...

О, как тихо идут!

И как больно от мысли:

Может, там их не ждут,

В дальнем том уголочке

Нет в окошке огня,

И не читаны строчки

От меня, от меня...

Хоть бы ветер сменился.

О, как был бы я рад,

Если б вдруг навалился

На меня снегопад,

И на белой тропинке,

И смеяь, и любя,

Я ловил бы снежинки

От тебя, от тебя...

*Февраль. Достать чернил и плакать —
До Марта вдруг не хватит их!..
Ещё не скоро хлюпнет слякоть,
Ещё морозец не утих,*

Но почерк рвётся, замирая
В слепой отчаянной ходьбе,
Как будто я в безумстве мая
Несу черёмуху тебе.

ВОЛЬНИЦА

Сарынь на кичку!

Клич разинцев

Мне вручает опять письмоносица
Твоих писем прелестных листки.
«Я пришла дать вам волю!» — доносится
В них буквально из каждой строки.

Уж я волен — вольней и не снилося.
Здесь, на струге, такая гульба!
Ишь — на кичку, на нос, потеснилася
В изумленье сарынь-голытьба.

Всё отдам я за ту чародейскую
Волю-каторгу. Мне ты нужна!
Гнев твой мил мне — пускай даже в зейскую
Ты волну меня бросишь, княжна.

Не мечите бисера...

Как часто бисер я метал
В разливе юных сил.
Но он не многих привлекал,
Он чаще попран был.

А я фонтан щедрот своих
Закреть никак не мог:
Кто ж виноват, что у иных —
Копытца вместо ног.

Горстями сыпал не скупясь,
Ловя сиянье лиц.
Да, много их упало в грязь,
Цветных моих крупниц.

И всё-таки на часть из них
Зажёгся чей-то взгляд,
А кем-то найдены они
Как драгоценный клад.

Но ты явилась как во сне —
И вижу я, смущён:
Разбросанный тот бисер мне
Сторицей возвращён.

Всё забыто — и взлёты, и промахи.
Весь мой город наполнен тобой.
В сентябре не белеют черёмухи,
Не искрится сугроб ледяной,

Но зато как пылают рябинами
Сквер у Зейской — как сердце моё!
И чириканьями воробьиными
Хор небесный о давнем поёт.

Я уж думал — оно не воротится,
Так и брёл по безверию дней.
Ты молись за меня, протопопица,
И не дрогну я в вере своей.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Ты там, далеко. А я тут.
Одни мы на свете.
И голые ветви поют
В предутренний ветер.

Слова, что тебе я шепчу, —
Ну кто тебе скажет?
Таких ты, я верить хочу,
Не слышала даже.

Всё счастье, что есть на земле,
В них стынет в печали,
Как будто в синеющей мгле
Грачи прокричали.

В дрожании милых ресниц —
Укор. Ты не можешь
Тех слов своей давней весны
Забыть. Ну и что же?

Былое, моё и твоё,
Быльём порастает.
И трижды петух пропоёт,
И утро настанет,

И мне не отречься уже,
Тебе не отречься, —
Как будто в крутом вираже
Мы падаем в вечность.

И это — паденье во сне,
В блаженстве и жути,
Навстречу последней весне
И первой — по сути.

Смотрю на чёрный телефон,
А он — чернее ночи.
Та, что взяла меня в полон,
Моя бессонница, мой сон,
Звонить не хочет!

Она — семь пятниц на уме —
Боится воскресений
И бродит где-то по зиме,
По белой северной зиме.
А я — весенний

Озябший тополь на семи
Ветрах студёных шалых...
О Боже правый, осени
Её прозрением! Всели
Ей в сердце жалость!

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК ПЕРВОГО АПРЕЛЯ

Ах, обмануть меня нетрудно —
Я сам обманываться рад.

А. С. Пушкин

Мой телефон — чернее туч,
Но дарит иногда утечи:
Первоапрельский солнца луч
Горит в твоём счастливом смехе.

Расцвёл мой чёрный аппарат,
Как пень на солнечной полянке.
Да, я обманываться рад
Бывал когда-то без оглядки.

С тобой — иначе... Обмани!
Скажи, что нет любви меж нами,
Что по полянке в эти дни
Прошёл тайфун или цунами...

Но лжи не знают и следа
Твоих смешинок милых трели.
Свет истины ты мне всегда,
И уж тем более — в апреле.

Трава забвения.

Валентин Катаев

Трава забвенья...
Два эти слова
В оцепененье
Вгоняют снова.
Не холод смерти,
Не запах тленья —
Лишь сон да ветер
В траве забвенья.

В февральской смуте
Росли сугробы.
Казалось: будет
Любовь до гроба,
И сладким было
Метели пенье,
И ты забыла
Траву забвенья...

Но снова — зелень.
Весны причуды —
Как ведьмы зелье,
Как изумруды —
Твоё прирастье,
Твои каменя...
Да глушит счастье
Трава забвенья.

В тоске бездумья
И круговерти
Уж не найду я
В твоём конверте

Ни слёз, ни вздоха,
Ни сожаленья...
Но всё ли плохо
В траве забвенья?

Расти уж, ладно,
Трава, по пояс!
Меня к желанной
Примчит мой поезд,
И онемею,
Когда в смятенье
Шагнём мы с нею
В траву забвенья.

Она жила в селенье светлом,
А он блуждал во тьме лесной.
Прошли года — и шквальным ветром
Их друг на друга понесло.

Столкнувшись, вскрикнули невольно,
Порвав молчанье бытия.
Она сказала: ах, мне больно!
А он сказал: ах, болен я!

И я не донжуан, и не кокетка ты.
Найти друг друга долго не могли мы.
Брели к местам, лишь нам с тобой святым,
Не зная, что мы оба — пилигримы,

Не зная, что густая пыль дорог
Когда-нибудь осядет за спиною
И нам кивнёт с улыбкой грустной Бог.
Ты видишь — он един. Для нас с тобою.

Ну не было тебя! Откуда ты взялась?
И кто ты — Божий гнев ли, Божья милость?
И чем — слезой или росой омылась
Душа моя, попав к тебе во власть?

Был мир вокруг велик. И вот его уж нет,
Как не было. Исчез. Стал точкой. Стал тобой он.
И в точке той — или я просто болен? —
Другой Вселенной вижу тьму и свет.

Там лучше? Хуже? Что предположить?
«Всё относительно!» — хихикает учёный.
И в ту Вселенную бросаюсь, обречённый, —
В конце концов, я должен где-то жить!

Гори, гори, моя звезда...

Давно твой смех не слышится,
И в тишине томительной
Уже мой стих не пишется
С той верой упоительной.
Ужель не переменится
Погода беспросветная
И грусть не перемелется,
Звезда моя заветная?

Разлука — дело тонкое,
С оттенками, с сюрпризами,
С изысканно жестокими
Слепой судьбы капризами.
А вдруг ты переучена
Там чьими-то советами —
И уж закрыта тучами
Звезда моя заветная?

Разлука — дело вязкое,
Трясинное, опасное.
В болоте светит глазками
Кикимора прекрасная.
За шею вдруг ухватится —
И в топь уйду бесследно я,
И в небесах закатится
Звезда моя заветная...

И задремлю под утро я,
И будет сон мой сказкою.
Ты, милая, ты, мудрая,
Мне улыбнёшься ласково.
«Всё это глупость, лучший мой,
Всё — глупость несусветная!»
И подмигнёт мне лучиком
Звезда моя заветная!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ВОСЬМЫМ МАРТА

Почему Клара — Цеткин, а не Цеткина?

(Наивный детский вопрос)

Клара у Карла украла кораллы,
а Карл у Клары украл кларнет.

(Скороговорка)

Карл Маркс украл у Клары Цеткин

Из окончанья букву «а».

Став мужиком в самооценке,

Для женщин День она ввела.

Не дарит ясности вопросу

Весь этот половой сумбур.

Не лучше ль подарить Вам

Розу

Или свозить Вас в Люксембург!

Есть сделка — верьте не верьте вы —
Меж Марфою и Кузьмою:
Она ему — Двадцать Третьего,
А он её — на Восьмое.

Счастливые вы дальтоники!
Цветник у вас — дважды в году,
А так — различаете только
Картошку да лебеду.

Мой случай сложнее, однако.
Бывает, в течение лет,
Слепой от кромешного мрака,
Не вижу ни роз и ни реп,

А солнце взойдёт — и нелепо
Мечусь меж цариц и богинь:
То розу жую, словно репу,
То сладко вдыхаю полынь.

Театр твоей мимики зыбок,
И скор, и подвижен. Но
Одна из твоих улыбок —
Как будто стоп-кадр в кино.

Одна из твоих улыбок
Тебе неподвластна самой,
Хотя и похвально гибок
Весь твой арсенал боевой.

Она — не дитя репетиций,
Не плод вдохновенных затей,
И в зеркале не отразится
Она для хозяйки своей.

В ней нет никакого действия,
В ней — тёплый бессмысленный свет
Недавнего глупого детства,
А умненьких глупостей — нет!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Как назовём, так и поплывём</i>	5
ПАРА ЛАПЧАТЫХ УНТОВ. Повести, рассказы	7
<i>От автора</i>	8
Дед Бянкин — частный сыщик	9
Раз на раз не приходится	72
Петух с глушителем	85
Божья роса	103
Пара лапчатых унтов	134
ЧЕРНЬ ПО СЕРЕБРУ. Стихи разных лет	271
«Желание красиво говорить...»	272
«Никем тебя не заменить...»	273
Спящий царевич	274
«Идут белые письма...»	276
«Февраль. Достать чернил и плакать...»	277
Вольница	278
«Как часто бисер я метал...»	279
«Всё забыто — и взлёты, и промахи...»	280
Предрассветное	281
«Смотрю на чёрный телефон...»	282
Телефонный звонок первого апреля	283
«Трава забвенья...»	284
«Она жила в селенье светлом...»	286
«И я не Дон Жуан, и не кокетка ты...»	287
«Ну не было тебя! Откуда ты взялась?...»	288
«Давно твой смех не слышится...»	289
Поздравление с Восьмым марта	290
«Есть сделка — верьте не верьте вы...»	291
«Театр твоей мимики зыбок...»	292
«Диалоги, диалоги...»	293
«Я не верю в любовь на полставки...»	294
«Я — не из юности твоей...»	295

Наполеон (Россия, палата номер шесть)	296
«Стоишь у моря, гордость финикийцев...»	297
«Безбрежны время и пространство...»	298
«Все шпионят — и дом, и аллея...»	299
«Когда ты меня разлюбишь...»	300
«Гений — тот, кто вдруг, спонтанно...»	302
«Скажу, пусть и не буду понят...»	304
«Скажите, сударь, что угробит мир?...»	306
Женщинам	307
«На шикарной стервы ножки...»	308
«Подлодка затонула. Подлость в том...»	309
«От призраков прошлого как мне тебя спасти?...»	310
Агасфер	311
Сверчок в обоях	312
Археология	314
«...И он перекрестился — некрещёный...»	316
Панночка	318
«Мадам! За то, что в прошлом веке...»	320
ВСЕГО ПОМАЛЕНЬКУ	321
Из ранних стихов	322
«Меж луною и водой...»	322
«Я иду по планете...»	323
«Весенний дождик бодро накрапывал...»	324
«Умчалась дней холодных стая...»	325
«На жёлтое небо...»	326
Обрывок из забытого	327
«Там стаканы горькие стояли...»	328
«Он придёт, час желанный турнира...»	329
«Скорблю о том, что был поэт...»	330
«Ты приходил в десятилетнем возрасте...»	331
«Век, в коем был я астроном...»	332
«Помню: ехали в вагоне, я стоял в дверях открытых...» ...	334
Как князь Владимир веру выбирал	335
Фонетическая баллада	337
«Умчится льдистый март в просветы зорь далёких...» ...	338
«Древний Рим. Там блеск волшебной сказки...»	339

Огонь и воды и канализационные трубы. <i>Оптимистическая трагедия в прозе и стихах</i>	340
Грустный реванш профессора Пирата. <i>Рассказ</i>	348
Хозяйственный Ваня и Таня-«кутурук». <i>Таёжные картинки</i>	353
Костюмы. <i>Рассказ</i>	358
Владимир Набоков: «...я слышу ржанье моих пегих существительных». <i>Перевод двух стихотворений Набокова, написанных им по-английски, с комментарием переводчика</i>	373
Вечер русской поэзии	373
На перевод «Евгения Онегина»	378
От переводчика, или Видение о любви и ревности	379
Про ленивых ротанов	385
«Снова стихами повеяло...»	389
Мой первый редактор	396
<i>Автобиография</i>	403

Владислав Григорьевич Лецик

РЕВИЗОР ВОСТОЧНОГО ПОЛУШАРИЯ

Повести. Рассказы. Стихи. Разное

ООО «Издательская компания «РИО»
(Редактура, вёрстка, оформление)

Формат 84x108/32. Печать офсетная. Усл.-печ. листов 21,84.

Тираж 500. Заказ ...

Первая Академическая типография «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, дом 12